Она принадлежала к родословной Маркиза, разве можно было так издеваться над ним? Разве это не топтание ногами по репутации маркиза Гу?

Гнев маркиза Гу можно было себе только представить.

Если бы не Гу Цзиньюй и ее мать из третьей ветви семьи Гу, маркиз Гу арестовал бы всю семью и забил бы их до смерти!

Впрочем, они смогли избежать смертной казни, а вот пожизненного наказания им уж точно не избежать.

Старый господин Гу, деревенский староста, был первым, кто пострадал от его гнева.

На самом деле, самой пострадавшей стороной во всем этом инциденте оказался именно старый господин Гу. В тот день он отправился к своей дальней родне, чтобы выпить, а когда вернулся домой, он уже не числился в должности деревенского старосты. Его собственная жена, сын и невестки за это время подложили ему огромную свинью.

Что касается Гу Цзиньюй, маркиз Гу заставил семью Гу отказаться от опеки над ней и поклясться никогда в жизни не появляться перед ее глазами.

Кроме того, маркиз Гу предупредил их, чтобы они держали рот на замке и не проронили ни единого слова об этом деле.

Поэтому семья Гу до сих пор держала в неведении Гу Дашуня и Гу Сяошуня.

Гу Эршунь подслушал часть разговора и понял, что Гу Цзяо могли перепутать при рождении, но, кроме этого, он больше ни в чем не был уверен.

Вышеизложенное было одной из причин странной атмосферы во время трапезы, а вторая заключалась в том, что в этот раз за столом сидели женщины семьи Гу.

Гу Дашуню стало как-то не по себе.

Он посмотрел на свою родную сестру Гу Юэ, подумал о чем-то и сказал: «Девушке Цзяо действительно очень повезло, что она вышла замуж за сюцая».

Его сестра была уже немолода, уже пришло время поговорить о ее замужестве, и, если она выйдет замуж в хорошую семью, то это станет и для него хорошим толчком.

Гу Юэ угрюмо ела и ничего не говорила.

Присутствующие в этот момент подумали: Разве это девушке Цзяо повезло? Очевидно же, что это Сяо Люланю повезло! Знает ли он, на ком женился? На дочери маркиза!

Для него это оказалось словно манна небесная!

Они действительно слишком легкомысленно в свое время отнеслись к этому браку. Если бы они знали тогда, что у этой девушки такая поддержка, они бы вообще не выдавали ее замуж!

Если бы она оставалась дома в качестве дойной коровы, интересно, сколько они могли бы получить от маркиза Гу!

Семья Гу была так расстроена, что их кишки посинели, но что они могли сделать? Девушка Цзяо больше не была идиоткой, которую легко было обмануть, и даже если бы они сейчас захотели восстановить свои отношения с ней, сделать это было бы, ой, как не просто.

Ву Ши бросила на Лю Ши многозначительный взгляд, намекая, чтобы она взяла большой кусок мяса из общего блюда.

Там были очень большие куски мяса, каждый кусок был очень толстым и жирным, раньше только Гу Дашуню разрешалось есть такое.

Лю Ши сглотнула и взяла самый толстый кусок мяса. Изначально она хотела положить его в миску Эршуня, но была встречена убийственным взглядом свекрови, поэтому поспешно положила его в миску Гу Сяошуня.

Последний посмотрел на свою мать со странным выражением лица: «В чем дело?»

Лю Ши смущенно вымолвила: «Наконец-то, ты вернулся домой, поешь немного мяса!»

Гу Сяошунь оставался в академии последние несколько дней, и только сегодня Гу Дашунь уговорил его вернуться домой.

Последний не очень-то хотел любезно звать его вернуться домой, но он не мог ничего с этим поделать, раз его собственный отец велел ему так сделать.

Гу Сяошунь посмотрел на мясо в миске и съел его с ни солёным, ни с пресным* выражением на лице.

Гу Эршунь пускал слюни от зависти.

Гу Дашунь нахмурил брови.

Остальные сделали вид, что ничего не заметили.

Лю Ши с улыбкой спросила: «Сяошунь, ты ведь еще не ходил к старшей сестре?»

Гу Сяошунь спросил: «А что?»

Лю Ши усмехнулась: «Твоя сестра так добра к тебе, почему бы тебе не навестить ее, раз ты уже вернулся домой?»

Гу Сяошунь положил в рот вареный рис: «Я скоро пойду».

Лю Ши продолжала улыбаться: «Твой шурин теперь стал сюцаем. Не забудь сказать ему несколько слов поздравлений».

Гу Сяошунь: «Хорошо».

Однако спустя долгое время Гу Сяошунь так и не отправился в дом сестры, чем заставил Ву Ши и первую ветвь дома встревожиться.

Теперь Гу Чанхай заговорил: «Сяошунь, я приготовил банку хорошего чая, а также двух взрослых кур. Могу я ли отправиться с тобой и передать их для твоей старшей сестры».

Гу Сяошунь сказал: «Я пойду и этого хватит. А ты там зачем?»

Боюсь, ты не сможешь все унести!

Гу Чанхай был так зол на Гу Сяошуня. Последний продолжал тупить, совершенно не понимая прямых намеков.

Гу Чанхай перестал ходить вокруг, да около и заговорил прямо: «Не должно существовать такого понятия, как семейная вражда. Мы все раньше поступали неправильно, и теперь хотели бы загладить свою вину перед твоей сестрой. С сегодняшнего дня давайте снова жить вместе, как одна семья».

Ведь Маркиз Гу предупредил их только о том, что им не разрешалось приближаться к Гу Цзиньюй, но он ничего не говорил о Гу Цзяо. Все было в порядке, если они не открывали Гу Цзяо правду.

Они могли догадаться, о чем думал в тот момент маркиз Гу: он просто боялся, что Гу Цзяо не сможет принять его какое-то время. Поэтому они подумали тогда, что им просто нужно воспользоваться этой возможностью и потихоньку наладить отношения с Гу Цзяо, прежде чем

отец и дочь воссоединятся друг с другом!

«Вы все хотите примазаться к славе моего шурина теперь, когда он стал сюцаем, верно?» Гу Сяошунь бесстрастно положил палочки на стол и негромко сказал: «Где вещи?»

Первое предложение было довольно неприятным для их слуха, но второе заставило семью Гу почувствовать надежду!

Гу Чанхай повернулся и велел Чжоу Ши: «Быстро иди и принеси!»

Чжоу Ши не стала медлить и пошла в комнату, чтобы взять банку чайных листьев, которую она купила за большие деньги, а также двух самых упитанных кур в доме.

Гу Сяошунь опять положил палочки для еды, взял вещи и направился к выходу.

Гу Чанхай протянул руку: «Эй! Подожди меня!»

Ждать тебя, не странно ли это!?

Ты слишком много задолжал моей сестре!

Гу Сяошунь поспешно выбежал и молниеносно ворвался в дом своей сестры, с грохотом захлопнув за собой дверь!

Гу Чанхай застыл, а из его носа потекла кровь от удара о дверь: «...!!!»

Он потратил кучу денег, чтобы отдать дорогой чай, и даже самых упитанных кур, но теперь у него их нет, и он даже не осмеливался поднять шум, да и кому он мог пожаловаться?

Гу Чанхай постучал в дверь, но после долгого стука никто так и не ответил. Ему ничего не оставалось, как только скрежетать зубами и вернуться восвояси.

Даже Гу Цзяо не волновала семья Гу, то что уж говорить о старушке и Сяо Люлане.

Если бы Гу Сяошунь не запер дверь на засов, старушка могла бы даже выплеснуть на незваного гостя ночной горшок с испражнениями!

Гу Цзяо готовила на кухне.

«Старшая сестра, старшая сестра!» Гу Сяошунь давно не возвращался в деревню и очень

соскучился по своей сестре, поэтому он поспешил на кухню, чтобы поприветствовать ее, а затем отправился на поиски Сяо Люланя и старушки.

Сяо Люлань подарил ему инструменты для резьбы по дереву, которые он привез из Пинчэна. Они так понравились Гу Сяошуню, что он рассматривал их снова и снова, не в силах выпустить из рук.

Хороший нож для мастера - это то же самое, что хороший меч для фехтовальщика, и такую радость нельзя заменить никакими другими подарками.

Гу Сяошунь все больше и больше испытывал благодарность и теплые чувства по отношению к своему шурину.

Он долго разглядывал инструменты, когда его неожиданно подозвала к себе старушка.

Последняя с энтузиазмом махала ему рукой: «Сяошунь, иди попробуй сушеный засахаренный чернослив, который купил для меня Люлянь!»

Гу Сяошунь моргнул: «Почему тетушка сегодня так щедра?»

Обычно съесть один из ее цукатов было сложнее, чем попасть в рай.

«Вот, держи». Старушка после долгих раздумий выдала ему самый маленький.

Гу Сяошунь не стал привередничать и сразу же засунул его в рот.

В следующую секунду он увидел, как старушка отсчитала семь больших сушеных засахаренных черносливин и положила их в свою банку с медом, а после закричала: «Цзяо Цзяо! Сяошунь съел восемь моих сушеных засахаренных черносливин!»

«……»

Гу Сяошунь чуть не подавился!

Все это ради нескольких сушеных засахаренных черносливин, да что с тобой??!

Гу Цзяо бдительно следила за старушкой, последней разрешалось съедать не более трех сладостей в день, и только на Новый год ей было позволено взять пять. Сейчас же она умудрилась припрятать семь сладостей за один раз, что можно было назвать неплохой добычей!

Старушка была несказанно довольна собой, и, небрежно махнув рукой Гу Сяошуню, велела ему заниматься своими делами.

Гу Сяошунь был ошарашен. Она вот так запросто использовала меня?

Гу Сяошунь пошел искать маленького Цзин Куна, но обнаружил, что тот куда-то ушел.

Маленький Цзин Кун тем временем отправился выгуливать своих цыплят.

Сначала он выгуливал их только на заднем дворе, но постепенно он решил, что заднего двора недостаточно, и он вывел цыплят на улицу.

Его маршрут пролегал от его дома до входа в деревню и обратно, и он вежливо здоровался со всеми жителями деревни, которых встречал по дороге.

От первоначального удивления жители деревни со временем привыкли к маленькому монаху так, что он даже начал им очень сильно нравиться.

Чужие цыплята разбегались по всей улице, как только выходили со двора, но цыплята маленького Цзин Куна выстроились и передвигались строевой колонной.

«Маленькая семерка, ты не можешь выстраиваться в линию, о, боже». Маленький Цзин Кун поймал одного цыпленка, который нарушил строй.

Маленький Цзин Кун гулял и гулял с цыплятами, пока не достиг старой резиденции семьи Гу, которая располагалась возле входа в деревню.

Зная об отношениях между двумя семьями, он не стал бы заходить в дом к семье Гу и не остановился бы, чтобы поприветствовать их.

Однако сегодня его привлек незнакомый голос.

Примечание:

* - ни соленым, ни пресным - холодный, равнодушный.

Перевод: Флоренс

http://tl.rulate.ru/book/63867/1997479